

№388 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Близость с Богом в вечности

В нынешнем уставном евангельском чтении от Иоанна, мы слышим слова, любопытность и важность которых невозможно переоценить: «...Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа...» (Ин.17,3).

Многие из нас задаются вопросом – а как будет «там», имеется в виду в мире загробном, «на том свете»? И что мы «там» будем делать, чем заниматься, причём, ведь, всю нескончаемую вечность? Отдыхать под липами на шезлонгах? Так, ведь, надоест. Деликатесами наслаждаться? Стошнит, даже не на втором столетии бытия. Причём, тела-то наши будут иными – еда, скорее всего, нам вовсе не понадобится, и зависимости от гравитации не будет, и понятия об усталости, и деревья, как мы их представляем, вряд ли будут наличествовать.

Чисто умозрительно, исходя из наших здешних логики, знаний и опыта, можно предположить, что бездельничать нам не придётся. Как знать, быть может, каждому из нас будет дано по планете, которую надобно будет обустраивать, совершенствовать, оберегать? А, может быть, нам поручат конструировать новые формы жизни или ещё что-то очень занимательное и творческое! Понятно - всё это из области фантастики, **достоверных** знаний о будущем нам не открыто... кроме вот этой нынешней короткой фразы Христа: «...сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога...». Если немного подправить язык середины 19 века, на который переведены синодалами эти строки, и немного развернуть фразу, получится примерно так: «Всю вечность предстоящей жизни мы будем **познавать** Всевышнего». Выходит, это и будет нашей основной задачей, целью и смыслом жизни.

Сходу звучит скучно, если не тоскливо, но если всё же вдуматься?

Ну, во-первых, справедливо присловье – «Подобное познаётся подобным». Т.е., нам чтобы приблизиться к пониманию абсолютно

совершенного Бога, **самим** придётся расти и развиваться, стремясь к уровню Творца. Да, планка слишком высока, более того, беспредельна. Но и времени у нас будет достаточно – благо, перед нами не сто и не миллиард лет, а бесконечность. Звучит, опять таки - фантастически, но Христос, ведь, заповедал нам: «...будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный...» (Мф.5,48). А святитель Афанасий Великий говорил: «Бог стал человеком, чтобы человек стал богом». В Псалтири прямо говорится от имени Всевышнего: «Я сказал: вы боги, и сыны Всевышнего - все вы» (Пс.81,6). Святитель Василия Великий поясняет: «Вселением Духа человек получил достоинство пророка, апостола, ангела, бога, быв до того землёй и прахом».

Во-вторых, «познание» - на языке Библии означает много чего иного небезинтересного. «Познание» - как **власть** над познаваемым. Звучит абсурдно, однако, лишь на первый взгляд. Мы, ведь, веруем и исповедуем, что Бог **любит** каждого из нас. А любящий априори, хоть как-то, но зависим от любимого.

В-третьих, словом «познание» на языке священных текстов обозначаются **сексуальные** отношения. Здесь надобно нам пресечь любые воображаемые картинки **плотских** совокуплений. Психологически это не просто, но игра стоит свеч. В случае успеха, кое-что может нам приоткрыться. Но, повторимся, при категорическом условии - если мы сможем абстрагировать в нашем сознании сам экстатический восторг предельно близкого единения мужчины и женщины от конкретики полового акта, т.е., отделить в нашем сознании пронзительное удовольствие экстаза от **механики** соития, и сосредоточиться на самом факторе блаженства.

Подвижники-аскеты, достигшие хотя бы скромных высот Богопознания, единогласно свидетельствуют о несказанном (на грани жизни и смерти) **блаженстве**... не мужчины с женщиной в постели, а общения с Богом. Причём, эти их состояния по интенсивности многократно превышали самые глубокие оргазмы, переживаемые сексуальными партнёрами.

Можно гневно и с предельным возмущением возразить, мол, что общего между этими, казалось, такими разными материями?

БЛИЗОСТЬ, и **блаженство** от близости! Безусловно, разные, и, тем не менее само понятие «райского блаженства» в глобальном контексте христианского богословия и церковной культуры увязывается с **близостью** человека со Всевышним. Таким образом, любой «кайф» земных отношений, будь-то интеллектуальных, творческих или сексуальных – это лишь слабый, тусклый прообраз того блаженства, отнюдь не минутного или кратковременного, но вечного, который нам уготовал Отец наш Небесный.

Если нарушать самоочевидные нормы, то будет невозможно жить

В прошлый раз, размышляя о нравственности, и не только христианской, мы остановились на понятии «ценность». Что для человека представляет ценность?

Интуитивно мы понимаем, что некие ценности существуют, и незыблемо; но как это обосновать – вот вопрос. Нельзя же развивать богословие из соображения: «Вот, обычный человек чувствует, что есть незыблемые ценности». Человек обычно чувствует не незыблемые ценности сами по себе, человек обычно хорошо чувствует то, что легко оформляется в категорию долга. Конечно, это тоже выражает его смутные предчувствия о том, что действительно есть незыблемые ценности. Но сам человек их, как правило, называет с трудом, потому что эти смутно чувствуемые незыблемые ценности действительно сложно осознать. Он ими живет, но с трудом осознает. Для этого требуется некоторое усилие. Так что, может быть, нам правильнее будет на время как-то отставить смысл ценности, поскольку у нас четко их определить сходу трудно, и снова вернуться к тому, что зовется долгом.

Мы, в общем, не сомневаемся в том, что мы должны делать в жизни то-то и то-то. И всё это кажется нам несомненным, самоочевидным. Можно, конечно, спорить об объёме этой самой очевидности – то есть насколько человеку очевидно всё, что он должен и чего не должен. Это не так просто, как кажется.

Ну вот, к примеру, мы как христиане, знаем, что мы должны реализовать своё предназначение: ведь реализация своего образа и подобия Богу – это высший долг христианина. Это то, что мы должны. Это – долг. И христианам он более или менее понятен. Но это понятно христианам. Трудно представить себе людей за пределами христианства, которые в состоянии были бы воспринимать такое долженствование за чистую монету, так, с бухты-баракты. Потому что то, что очевидно в результате пережитого откровения, в результате личного, постепенного воцерковления, в результате, так сказать, встречи со Христом, – всё это не может быть очевидно человеку, который ничего этого не переживал. Если для этого человека Бог – в лучшем случае привлекательная абстракция, то как он вообще поймет, что он что-то этому Богу должен, да ещё такое неудобовразумительное – исполниться по некоему образу и подобию? Это всё неочевидные человеку вещи. Так что не всякое долженствование, на самом деле, так уж легко обосновывается.

Конечно, есть вещи простые, которые доказывать никому не надо. Вот, надо работать, добывать хлеб насущный. Да, кто-то не работает, а кто-то с утра до вечера вкалывает. Ну, а если никто не будет работать, что тогда будет? Вообще, формы нашего долга действительно самоочевидные и простые. Об этом писали целый ряд наблюдательных богословов, причём, как правило, **христианам** это было проще всего сделать. Например, Клайв Льюис в замечательном очерке «Просто христианство», пишет: «Нет на Земле такого народа, такого сообщества человеческого (даже среди уголовников), в котором почиталось бы нормой, к примеру, убийство себе подобного или дезертирство с поля боя, или воровство – в преступном мире с некоторой оговоркой: у сво-

их. В преступном мире украсть у своих – это крысятничество, а «крыса» – весьма презренный человек». (Мы потом ещё поломаем голову над загадкой, почему у своих – это воровство, а не у своих – это не воровство, но пока мы отталкиваемся от очевидностей). Итак, нет сообщества, где было бы нормально, что мой сосед у меня что-то крадёт, и в этом сообществе найдутся люди, которые не будут укорять этого соседа, не будут призывать его к порядку. Не бывает так. И практически не бывает сообществ, где была бы нормальной супружеская измена. Что там может быть до брака или вокруг брака – это вопрос сложный, сообщества бывают разные, но если речь идёт об измене, – то нет таких, даже очень распущенных сообществ, где это было бы нормой. Есть сообщества с разными взглядами на брак, на его содержание, но вот на супружескую измену не бывает разных взглядов.

Правда, в некоторых нехристианских культурах есть воззрение, что в измене виновата бывает только женщина. И такое воззрение встречается не только в каких-нибудь современных тусовках, а во вполне традиционных родовых патриархальных сообществах. Там, действительно, мужчина – глава рода, и, следовательно, мужчина и женщина неравноправны. Обосновывается это, как правило, таким образом: если изменил мужчина, то это, собственно, и не измена. Строго говоря, изменить в таком браке может только женщина: мол, мужчине это можно потому, что это не измена. Между прочим, это некая такая антропологическая проблема: почему в традиционных сообществах намного более острая всегда была реакция на то, что называется женской изменой. И она имеет антропологическое обоснование. Но мы сейчас не об этом. Вот когда мы до темы брака дойдем, тогда будет видно.

А пока остановимся на этих очевидных вещах. Действительно, есть некий общий круг вполне элементарных, действительно очевидных норм, которых должны держаться все. К слову говоря, что еще делает их очевидными, обратим внимание: нередко люди сами себе обосновывают то, что эти нормы должны соблюдать все. Бывает такое обоснование от противного: если некое правило перестаёт соблюдаться, значит, такое общество ждёт крах, оно не в состоянии существовать дальше. То есть сообщество, где нарушаются элементарные нормы нравственности, где мораль стала относительной, – такое сообщество воспринимается как то, которое обречено на самоуничтожение. Это тоже важно, потому что фактически это показатель того, что вот эти нормы нравственности, самые элементарные, самые очевидные – они так вот неявно становятся внутренне мотивированными, обоснованными.

Люди обычно не знают тех слов, которые требуется здесь говорить, поэтому и ограничиваются именно таким утверждением: если нарушать самоочевидные нормы, то будет невозможно жить. И в этом признании уже содержится утверждение, что абсолютная ценность есть не что иное, как жизнь. Жизнь как таковая. Как возможность существования. Жизнь принимается как верховная ценность. Не всегда явно. Иногда стихийно, на уровне – «никто не хочет умирать». Значит, хотя бы на уровне интуиции все люди признают, что верховной ценностью является наша жизнь. И нужно делать всё, чтобы её сохранить, взрастить и сделать более яркой и полноценной.